

DOI: 10.31696/S086919080029975-9

ИДЕОЛОГИЯ МОНГОЛЬСКОГО МИРОВОГО ДОМИНИРОВАНИЯ
В «НАСИРОВЫХ РАЗРЯДАХ» ДЖУЗДЖАНИ¹

© 2024

Ю.И. ДРОБЫШЕВ ^a

^a – Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Резюме: Сочинение персидского историка Джузджани «Насиловы разряды» является одним из ценнейших источников по Монгольской империи периода ее единства. В нем освещена легендарная история прихода Чингисхана к власти, приводятся уникальные сведения по монгольским завоеваниям в Средней Азии и Афганистане и вторжениям в Делийский султанат. Этот труд также содержит важную информацию относительно захватнических замыслов Чингисхана, однако не вся она выдерживает критику. По-видимому, можно согласиться с подлинностью содержания писем Чингисхана хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду, описания внешности и личностных качеств великого монгола, положительной характеристики монгольских воинов. Скорее всего, заслуживает доверия рассказ Джузджани о казии Вахид ад-Дине Бушенджи, передавшего слова Чингисхана, из которых следует, что тот намеревался разорить все земли, подвластные хорезмшаху, но не собирался захватывать весь мир. Приводящаяся в «Насиловых разрядах» последняя воля Чингисхана тоже не дает оснований предполагать, что его целью было мировое господство. Он завещает своим сыновьям завершить разгром государства тангутов, где его настигла смерть, и не более того. Подобно многим своим современникам, автор высказывает идею о божьем промысле, согласно которому монголы вторглись в мир ислама как наказание за пороки, в частности лживость. Сам Чингисхан, по мнению Джузджани, получил власть по воле Всевышнего и обладал шаманским даром, предсказывая победы сам себе. Говоря о контактах монгольского вождя с Тэнгри (Вечным Небом), историк подтверждает базовые принципы монгольской имперской идеологии, согласно которым именно Небо пожаловало Чингисов род властью над всеми народами. Он также уделяет большое внимание религиозным предпочтениям монгольских ханов и в зависимости от их отношения к исламу высказывается о них либо негативно, либо с долей симпатии, причем Угэдэя он вообще изображает как благодетеля мусульман.

Ключевые слова: Джузджани, Чингисхан, монгольские завоевания, Монгольская империя, имперская идеология

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Идеология монгольского мирового доминирования в «Насиловых разрядах» Джузджани. *Восток (Oriens)*. 2024. № 4. С. 38–47. DOI: 10.31696/S086919080029975-9

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда (РНФ), проект 24-18-00407 «Завоевание мира и крах глобальной империи: монгольское нашествие в судьбах русских земель XIII в.».

THE IDEOLOGY OF MONGOLIAN WORLD DOMINATION IN THE “TABAQAT-I NASIRI” BY JUZJANI²

© 2024

Yuliy I. DROBYSHEV ^a

^a – Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Abstract: *The work of Persian historian Juzjani “Tabaqat-i Nasiri” is one of the most valuable sources on the Mongol Empire in the era of unity. It highlights legendary history of Chinggis Khan’s rise to power, provides unique information on the Mongol conquests in Central Asia and Afghanistan and their invasions of Delhi Sultanate. This work contains information about Chinggis Khan’s aggressive plans, however, not all of it stands up to criticism. Apparently, one can agree with authenticity of contents of Chinggis Khan’s letters to Khorezmshah; description of personal qualities of the great Mongol, and positive characteristics of Mongol warriors. Juzjani’s story about Wahid al-Din Bushenji, who conveyed the words of Chinggis Khan that imply that he had intended to ravage all the lands subject to Khorezmshah, but had not intended to conquer the whole world, deserves credibility. The last will of Chinggis Khan in the “Tabaqat-i Nasiri” does not give grounds to assume that his goal was the world domination. He bequeaths no more than a victory over the Tangut state to his sons. Like many of his contemporaries, the author expresses an idea that Mongols invaded the world of Islam as God’s punishment. Chinggis Khan received power by the Almighty’s will and possessed a shamanic gift. Speaking about his contacts with Tengri (Eternal Sky), Juzjani confirms basic principles of the Mongolian imperial ideology, according to which Heaven granted the Chinggis clan power over all peoples. Depending on Mongol khans’ attitude towards Islam, he speaks about them either negatively or sympathetically.*

Keywords: Juzjani, Chinggis Khan, Mongol conquests, Mongol Empire, imperial ideology.

For citation: Drobyshev Yu.I. The Ideology of Mongolian World Domination in the “Tabaqat-i Nasiri” by Juzjani. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 4. Pp. 38–47. DOI: 10.31696/S086919080029975-9

Абу Омар Минхадж ад-Дин Осман ибн Сирадж ад-Дин Джужджани (1193 – после 1260) служил князьям Гура в центральном Афганистане, где пережил первую волну монгольского нашествия, а в 1227 г. перебрался в Индию. Впоследствии он занимал должность главного казия при дворе делийского султана Насир ад-Дина Махмуд-шаха I (1246–1266), которому и посвятил свою книгу³.

Впервые неполный персидский текст «Насириных разрядов» («Табакат-и насири») был опубликован офицером британской армии и востоковедом У. Нассау-Лисом в Калькутте в 1864 г. Значительно позже появилось почти полное пакистанское издание под редакцией Абд аль-Хайй Хабиби, сразу же ставшее библиографической редкостью. Оно было переиздано в Кабуле в 1963 г. и в Тегеране – в 1984 г. и до сих пор служит для специалистов основным пособием, хотя назрела необходимость в новом критическом издании [*The Tabaqat-i Nasiri*, 1864; Menhāj-al-Din Jowzjāni, 1963].

² The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00407 “The conquest of the world and the collapse of the global empire: the Mongol invasion in the fate of the Russian lands in XIII century”.

³ Подробнее о жизни и деятельности Джужджани см.: [Jawan Shir Rasikh, 2020].

Перевод труда Джуджани на английский язык был сделан во второй половине XIX в. майором Г.Дж. Раверти [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881] и время спустя попал под жесткую критику В.В. Бартольда [Бартольд, 1963, с. 109–111]. Впрочем, большинство критических выпадов маститого востоковеда касалось постраничных примечаний Раверти, во многом состоявших из цитат, взятых им из различных источников. Автор не удосужился указать, какими рукописями он при этом пользовался. Кроме того, эти примечания чрезмерно обширны и сильно затрудняют чтение основного текста. Впрочем, позже Дж. Бойл отметил, что, за исключением передачи некоторых имен, перевод Раверти точен до буквальности [Boyle, 1963, p. 236]. В работе над настоящей статьей мы пользовались им. С тех пор новых полных переводов этого произведения на европейские языки не появилось, но вышел перевод на урду [Minhāj-i Sirāj, 1975].

В нашей стране среди историков и монголоведов, не владеющих персидским языком, сочинение Джуджани известно, прежде всего, в кратких извлечениях В.Г. Тизенгаузена, выполненных почти полтора века назад, но увидевших свет лишь в 1941 г. [*Сборник материалов*, 1941, с. 13–19]⁴. Будучи наполненными проклятиями в адрес Чингисхана (1162?–1227) и его сподвижников, они во многом сформировали образ их автора как непримиримого врага монголов, однако, как будет показано ниже, такая его оценка не вполне правомерна.

Ценность труда Джуджани несколько снижается вследствие того, что автор работал над ним, находясь в стороне от монголов и поэтому сильно завися от других информаторов. Однако для раскрытия заявленной нами темы он представляет большую ценность как один из немногих дошедших до нас источников, написанных в период политического единства Монгольской империи.

В целом можно сказать, что в монголоведческих штудиях «Табакат-и насири» все еще используется не столь продуктивно, как того заслуживает, а в работах, так или иначе затрагивающих идеологические аспекты монгольских завоеваний, привлекается очень выборочно. Одним из, пожалуй, наиболее цитируемых в этой связи фрагментов является пересказ письма Чингисхана хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду (1200–1220), в котором великий хан провозглашает свое миролюбие и равенство с хорезмшахом: «Я – повелитель восхода солнца, а ты – повелитель заката, пусть между нами будет прочный договор о дружбе, приязни и мире, и пусть торговцы и караваны с обеих сторон приходят и уходят, и пусть драгоценные изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, будут доставлены ими к тебе, а твои, таким же образом, пусть они привезут ко мне» [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, p. 966]. Это сообщение привлекается историками как аргумент в пользу изначально дружественной позиции Чингисхана по отношению к мусульманам, вообще, и к хорезмийской империи, в частности. Соответственно, ни о каких гегемонистских планах монголов в тот период говорить вроде бы не приходится, а вина за развязывание войны падает на Ала ад-Дина Мухаммада. Такая точка зрения высказывается многими средневековыми историками и в настоящее время считается очень близкой к истине [Ratchnevsky, 1992, p. 121]. Особую ценность в данном случае ей придает тот факт, что ее артикулирует современник, относившийся к монголам весьма критически.

Однако тот же Джуджани приводит рассказ, из которого как будто можно вывести прямо противоположную идею о том, что еще до первых контактов с Хорезмом Чингисхан замыслил покорить мусульманские государства. Однажды, в годы войны с чжурчжэньской империей Цзинь (1115–1234), ему якобы приснилось, что он наматывает себе на голову очень длинный кусок материи. Приближенные призывали бывших там арабских купцов,

⁴ Краткие выдержки из «Насировых разрядов», касающиеся сельджуков, опубликованы в русском переводе в: [Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939, с. 438–442]. Публиковались также фрагменты труда Джуджани, относящиеся к Индии, в английском переводе: [*The History of India*, 1869, p. 259–383].

которые объяснили значение сна: «Тюрбан – это корона и диадема араба, ибо головные уборы из этого описания – это диадемы араба; и Пророк мусульман – Мухаммад, избранный – да пребудет с ним благословение Аллаха! – носил тюрбан, и халифы ислама носят тюрбаны. Толкование таково, что царства ислама перейдут в твоё владение, и страны, в которых преобладает мусульманская вера, ты подчинишь своей власти». Эта трактовка будто бы оказалась в полном соответствии с мыслями самого завоевателя [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 975]. Из других источников данный эпизод не известен. Его историчность сомнительна. Во-первых, хронологически он падает на 1214 г., когда наличие арабских купцов в Северном Китае очень маловероятно, так как из-за войны, приведшей к разделу империи кара-киданей, ведущие на Дальний Восток торговые пути были перерезаны, а морскую торговлю с арабскими странами чжурчжэни не вели. Во-вторых, стратегия монголов в отношении Цзинь тогда еще не изменилась, и они продолжали совершать набеги в старой степной традиции, т.е. не переходя к установлению своего постоянного контроля над чжурчжэньскими территориями. Поэтому совершенно неясно, с какой стати Чингисхан вдруг начал задумываться о землях, лежавших далеко на западе, особенно если речь идет не о грабительском походе, а именно об их подчинении.

Напротив, есть больше оснований доверять рассказу Джужджани об интересе, который проявлял хорезмшах к Китаю: «Автор [этой книги], которого зовут Минхадж-и-Сарадж, в 617 году (1220 г. – Ю.Д.), который был первым годом перехода монгольских войск через Джейхун в Хорасан, находясь в крепости Тулак, услышал из уст Имад-уль-Мулька Тадж-уд-Дина Джами, Дабира [секретаря], который был одним из государственных министров династии хорезмшахов, что стремление присвоить страны Китая укоренилось в сердце султана Мухаммада, хорезмшаха, и он постоянно наводил справки относительно этих государств, и спрашивал о них приезжих с территорий Чина и крайних пределов Туркестана. “Мы, [его] слуги, [продолжил Тадж-уд-Дин.] обычно делали представление, чтобы отвлечь его от принятия этого решения, но эта мысль никоим образом не выходила у него из головы, пока он не отправил Сайид-и-Аджалля Баха-уд-Дина Рази для этого важного дела”» [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 963–964]. Это посольство, по словам Джужджани, дошло до захваченного монголами Пекина и было приветливо встречено Чингисханом, который отправил хорезмшаху цитированное выше послание. Отсюда вытекает еще одно следствие. Можно достаточно уверенно полагать, что столкновение этих амбициозных владык было неизбежным, а знаменитая резня монгольского каравана в Отраре в 1218 г. могла понадобиться хорезмшаху для проверки решительности Чингисхана перед походом в подконтрольный ему Северный Китай.

Не совсем понятно, почему историки, пишущие о завоевательных планах монголов, редко обращают внимание на приводящийся в «Насировых разрядах» пересказ слов казия Вахид ад-Дина Бушенджи, который попал в монгольский плен и благодаря своей просвещенности стал приближенным Чингисхана. Однажды великий монгол спросил казия: «Разве не останется после меня могущественное имя?», на что тот не без страха ответил, что, если хан перебьет всех людей, поведать его историю будет просто некому. Чингисхан рассвирепел, но, сдержавшись, сказал: «Есть много государей в мире, и куда бы ни достигали копыта коней Мухаммада Грабителя, там я устрою бойню и разрушение. Остальные народы в других частях мира и правители других царств – они расскажут мою историю» [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 1041–1042]. Вахид ад-Дин подчеркивает, что Чингисхан всегда называл хорезмшаха Грабителем, памятуя о гибели своего каравана в Отраре, случившейся, скорее всего, с его согласия или даже по прямому указанию. Если монгольский хан действительно говорил что-то в таком роде, то эти слова можно было бы использовать как объяснение причины его похода на запад. К сожалению, далеко не всё, что сообщает Джужджани, вы-

глядит правдоподобным, хотя он старается убедить своих читателей регулярными ссылками на свидетельства «заслуживающих доверия» людей. Однако, включив вышеприведенные слова в хорошо документированную реконструкцию монголо-хорезмийских отношений, можно видеть, что они ни в чем не противоречат известным фактам. Соглашаются они и с текстом Чингисова письма хорезмшаху, которое цитирует сам Джужджани.

Более того, вопреки монголоненавистнической репутации нашего автора, он даже находит аргументы для оправдания монгольского вторжения. Они лежат в рамках религиозного объяснения политических процессов, характерного для мусульманского и христианского миров средневековья: монголы предстают в роли «Божьего бича», карающего грешные народы ради их вразумления. Показателен следующий случай, зафиксированный Джужджани. Малик Гура Тадж ад-Дин, изъявивший монголам покорность, однажды присутствовал при разбирательстве проступка двух монгольских ночных стражей, уснувших во время службы прямо на спинах своих лошадей. В принципе, они имели возможность опровергнуть обвинение и избежать казни, но даже не попытались сделать это. Тадж ад-Дин выразил по этому поводу свое изумление, на что получил такой ответ: «Почему вы удивлены? Вы, таджики⁵, делаете такие вещи и говорите неправду. Монгол, будь на кону тысяча жизней, предпочел бы быть убитым, но не стал бы говорить неправду; но лживые речи – это ваше занятие; и из-за таких вещей Всемогуший Бог послал на вас [таджиков] бедствие, подобное нам» [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, p. 1080–1081]. Здесь трудно не вспомнить «проповедь» Чингисхана перед жителями захваченной Бухары, пропитанную аналогичными идеями и, по-видимому, имевшую место на самом деле [Рашид ад-Дин, 1952, с. 205; Juvaini, 1997, p. 105].

Согласно большому числу свидетельств современников, монголы охотно прибегали к обману своих противников, но они категорически не принимали ложь по отношению к себе, и в этом пункте можно согласиться с Л.Н. Гумилевым, пытавшимся объяснять монгольскую агрессию как реакцию на обман, но с одной оговоркой: обман и вероломство чаще всего были не причиной, а лишь поводом для нападения. Восхваляя честность монголов, Джужджани доводит ее до гротеска: «Чингиз-хан в [отправлении] правосудия был таков, что во всем его лагере ни один человек не мог поднять с земли упавший кнут, если только он не был его владельцем; и во всей его армии никто не мог указать на [существование] лжи и воровства. Если бы у какой-нибудь женщины, которую они [монголы] взяли во всем Хорасане и в земле Аджам, был муж, ни одно живое существо не вступило бы с ней в связь; и, если неверный [монгол] положит глаз на женщину, у которой был муж, он [сначала] убьет мужа этой женщины, а затем вступит с ней в связь. Было невозможно произнести ложь, и этот факт очевиден» [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, p. 1078–1079].

Изображенный Джужджани с чужих слов портрет Чингисхана демонстрирует цельность его натуры и несомненное присутствие царственной харизмы, без которой, по представлениям номадов, никто не мог возглавлять их: «Заслуживающие доверия люди рассказывают, что, когда Чингиз-хан пришел в Хорасан, ему было 65 лет, он был высокого роста, крепкого телосложения, с редкими седеющими волосами на лице и кошачьими глазами, обладал большой энергией, пронизательностью, одаренностью и пониманием, мясник, вызывающий страх, справедливый, решительный, ниспровергатель врагов, бесстрашный, кровавый и жестокий» [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, p. 1077]. Эту характеристику трудно назвать панегириком, но она в то же время очень далека от очернительства, которое обычно ожидают от этого историка по отношению ко всему монгольскому.

Джужджани наделяет Чингисхана шаманским даром: «Он был искусен в магии и обмане, и некоторые дьяволы были его друзьями. Время от времени он впадал в транс, и в этом состоянии бесчувственности с его языка слетала всякая всячина, и это состояние транса

⁵ Под словом «таджики» подразумеваются персоязычные народы.

было похоже на то [ранее упомянутое], которое случилось с ним в начале его возвышения; и дьяволы, имевшие власть над ним, предсказывали его победы. Туника и одежда, которые были на нем и которые он надел в первый раз, были помещены в сундук и запечатаны; и он имел обыкновение повсюду носить их с собой. Всякий раз, когда на него приходило это вдохновение, каждое обстоятельство – победы, начинания, указание на врагов, поражения и разорение стран – все, чего он мог пожелать, произносилось его языком. Человек обычно запечатлевал все это в письменном виде, складывал в суму и ставил на нее печать; и, когда Чингиз-хан снова приходил в себя, они обычно зачитывали ему его высказывания одно за другим; и в соответствии с этим он действовал, и, более или менее, действительно, все сбывалось» [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 1077–1078]. На чем основаны эти слухи? Может быть, причина их появления – обычай не только Чингисхана, но и монголов его эпохи, вообще, проникать в тайны грядущего посредством гадания по бараньей лопатке, которую обжигали, а потом ударяли по ней и изучали конфигурацию получавшихся трещин. Этот способ дивинации был известен и Джуджани [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 1078, 1081]. Другой персидский источник начала XIII в. – анонимное сочинение «Чудеса мира» тоже приписывает монгольскому лидеру сверхъестественные способности: он якобы мог с помощью особого камня превращать воду в лед [*Аджаиб ад-дунья*, 1993, с. 107], в чем виден отголосок тюркской магической практики «*яда́*», широко распространенной в Средние века и в Новое время. Наконец, некоторые авторы (Вассаф, Ибн Васил, Ибн Таймийя) уподобляли Чингисхана пророку Мухаммаду [Amitai, 2004; 2014, р. 127].

При заметной неприязни к Чингисхану, которого он систематически называет «проклятым» (*mal'ūn*), Джуджани признает, что тот получил власть «по воле Всемогущего и распоряжениями Предопределения» [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 869], но, в отличие от своего современника Ала ад-Дина Джувейни (1226–1283), он не пытается доказать, что возвышение Чингисхана было задумано Аллахом, в конечном счете, на благо ислама [Juvaini, 1997, р. 4–19, 638]. Начало его политической карьеры трактуется как мятеж против Алтан-хана (так монголы титуловали чжурчжэньских императоров), бывшего в те годы господином кочевников, а, по словам Джуджани, «во всех книгах» написано, что мятеж тюрков⁶ – это первый знак приближающегося конца света. Однако поначалу восставшие не имели успеха. Алтан-хан разбил их и вынудил скрываться среди гор, где они постепенно размножились и усилились, а затем, избрав Чингисхана своим вождем, вышли на простор и победили [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 935–968]. По мнению С. Бергера, этот сюжет, сильно напоминающий рассказ Рашид ад-Дина (1247–1318) про Эргунэ-Кун, отсылает читателя к поражению, понесенному Тэмучжином (как звали Чингисхана до интронизации) в 1203 г. от керейтского Ван-хана, когда будущий завоеватель с немногими соратниками отступил к озеру (?) Бальджуна, где он поклялся достойно вознаградить своих сподвижников в случае успеха борьбы [Berger, 2021, р. 98–101].

Победа над Алтан-ханом якобы была предречена самим Вечным Небом. Джуджани использует тюрко-монгольский эквивалент этого теонима – Тингри (=Тэнгри), но не объясняет его значения. По его словам, готовясь к походу, Чингисхан приказал всем своим людям собраться у подножия горы, отделил мужчин от женщин и детей от матерей, и в течение трех дней все оставались с непокрытыми головами, никто не вкушал пищу, и никому из животных не позволяли кормить молоком своих детенышей. Сам же Чингисхан уединился в войлочной палатке с наброшенной на шею веревкой, а весь его народ восклицал «Тингри! Тингри!» На четвертый день он вышел и объявил, что Тэнгри дает победу. Засим последовал трехдневный пир [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 954]. Этот рассказ напоминает аналогичный эпизод из «Тарих-и джахан-гушай» Джувейни, в котором накануне выступления против

⁶ Для многих персидских историков средневековья все кочевники были «тюрками».

империи хорезмшахов Чингисхан поднимается на вершину холма, снимает шапку, вешает на шею свой пояс и молит Небо о помощи в отместии [Рашид ад-Дин, 1952, с. 189; Juvaini, 1997, р. 80–81]. Таким образом, автор воспроизводит мифологемы, лежавшие в фундаменте монгольской имперской идеологии, сводящейся к тому, что власть монголов над всеми народами обеспечивалась решением Неба.

В изложении некоторых средневековых авторов монгольские законы, известные как Яса Чингисхана, по крайней мере, отчасти регламентируют международные отношения и на этом основании могут считаться фрагментами имперского законодательства. Джужджани тоже сообщает о ряде введенных Чингисханом законов, но среди них нет ни одного, касающегося внешней или внутренней политики [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 1107–1108]. Трудно судить о причинах этого умолчания. Вполне возможно, что такие установления просто не были ему известны, хотя было бы заманчиво думать, что они были сформулированы уже после Чингисхана и приписаны ему посмертно.

По Джужджани, предчувствуя свою кончину, основатель Монгольской империи сделал два распоряжения – искоренить тангутов и возвести на трон Угэдэя: «Он высказал свою последнюю просьбу, сказав: “Вы обязаны убить весь народ Тингри-хана⁷, как мужчин, так и женщин, малых и великих, молодых и старых, и не оставить ни одного человека в живых”. Когда Чингиз-хан отправлялся в ад, он передал верховную власть своему сыну Уктаю (Угэдэю – Ю.Д.); и Уктай вернулся и вырезал всех жителей города и земель Тингри-хана» [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 1096]. Передача власти Угэдэю подтверждается практически всеми источниками, но что касается приказа уничтожить всех тангутов, то он здесь сильно преувеличен. Да, из «Сокровенного сказания монголов» известен эпизод, очевидно анахронистический, демонстрирующий радость Чингисхана по поводу разгрома тангутского государства Западное Ся и истребления его населения [Козин, 1941, § 268], но не менее хорошо известно и то, что далеко не все тангуты пали в 1227 г. от монгольского оружия. Многие пережили катастрофу и даже поступали к монголам на службу. Принимая во внимание монгольскую практику резни в городах, которые оказывали им долгое сопротивление, можно скорректировать сообщение персидского историка, в целом представляющее нам верным. Скорее всего, перед смертью Чингисхан, уже получивший от тангутского императора заверения в скорой сдаче столицы, повелел прикончить не только его самого вместе с родичами, но и всех (или почти всех) столичных жителей. Если гибель кого-либо из Чингисовой династии под стенами какого-нибудь города влекла за собой полное уничтожение там всего и вся, как это случилось, например, с Бамяном и Нишапуром, то что же говорить о городе, подле которого умер сам Чингисхан!

Как все это соотносится с идеей построения империи? Можно предположить, что, конечно, предсмертная воля Чингисхана была направлена на упрочение власти его рода и подчинение новых земель, однако это лишь некие частности, а главного здесь нет: Джужджани нигде не воспроизводит слова Чингисхана о необходимости покорить после его кончины весь мир. Поэтому мы считаем данный первоисточник важным документом, подтверждающим отсутствие у монгольского хана таких планов даже накануне ухода из жизни. Бесспорно, мы никогда не проникнем полностью в тайны мышления и принятия решений этого великого стратега. Надо полагать, мечта о всемирном господстве могла посещать его не раз, но он все-таки был реалистом и не ставил перед собой или своими потомками целей, в достижимости которых имел основания сомневаться. Приводимые Джужджани сведения о Чингисовых замыслах либо локально конкретны, либо явно легендарны. Они

⁷ Тингри-ханом, т.е. «Небесным ханом», Джужджани называет тангутского императора, по-видимому, строго следуя монгольской традиции, в которой тангутских государей величали титулом «Бурхан» («Будда», «божество»), скорее всего, ввиду их буддийского вероисповедания. См.: [Козин, 1941, § 249–250, 256, 265, 267–268].

перекликаются с сообщениями Ата-Мелика Джувейни и других хорошо информированных авторов первого этапа развития историографии Монгольской империи.

Джужджани застал еще трех великих монгольских ханов: Угэдэя (1229–1241), Гуюка (1246–1248) и Мункэ (1251–1259). Наверное, сравнительно долгие междоусобицы дали ему повод считать, что у монголов было правило: когда умирает хан, следующий восходит на трон только спустя полтора года [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 1144]. Он оценивает их весьма различно, причем его важнейший критерий – их отношение к исламу. Хорошо известно, что никто из перечисленных монгольских правителей в реальности не симпатизировал исламу настолько, чтобы можно было говорить о ведении им целенаправленной промусульманской политики, однако здесь уместно вспомнить о религиозной толерантности первых монгольских ханов, создававшей у представителей разных вероучений иллюзию, будто хан покровительствует именно им. Спорадические религиозные гонения или поддержка какой-либо религии определялись не доктринальными, а политическими и экономическими причинами.

Естественно, личностные качества тоже накладывали серьезный отпечаток на восприятие монгольских владык их современниками. Хаган Угэдэй отличался сравнительно мягким характером, любил удовольствия и не увлекался репрессиями. Поэтому Джужджани не оригинален в его позитивной оценке, но внимание он акцентирует на его милостивом обращении именно с мусульманами: «Подчинив эту территорию (Туркестан. – Ю.Д.) своей власти, он назначил армии для похода в различные части Хорасана и Ирака, а также в направлении Гура и Газнина, и начал управлять делами страны в соответствии со справедливостью и равноправием, держать свои войска в подчинении и лелеять своих подданных. По натуре, Уктай был чрезвычайно доброжелательным, отличался прекрасным нравом и был большим другом мусульман. Во время его правления мусульмане в его владениях жили спокойно и благоденствовали, и к ним относились с уважением. Он очень старался оказать почести мусульманскому народу и сделать его процветающим и довольным» [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 1104–1106]. Более того, «Ряд заслуживающих доверия людей рассказали таким образом, что, судя по древним хроникам минувших времен и прошлых эпох, в государствах Туркестана и странах Чин, Тингит и Тамгхадж (речь идет о Северном Китае. – Ю.Д.), ни один государь, более благосклонный и с лучшим расположением (по отношению к мусульманам. – Ю.Д.), чем Уктай, никогда не ступал ногой в стремя» [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 1109]. И, наконец, «Некоторые люди, чьим заявлениям можно доверять, утверждали, что подобные милости и почтение были доказательством того, что Уктай тайно стал мусульманином; но правду знает Бог» [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 1115].

Гораздо подробнее автор рассказывает о благосклонности к мусульманам золотоордынского хана Берке (1257–1266), который и сам показан в «Насиловых разрядах» как истинный приверженец ислама, но эта давно обсуждаемая историками тема сейчас для нас не столь важна. К гонителям мусульман Джужджани причисляет Чагатая (1185–1242) и Гуюка, в чем он также не оригинален. Повышенный интерес автора к вероисповеданию монгольских ханов, видимо, отражает его восприятие монголов как колоссальной политической силы, диктующей ход исторического процесса и определяющей религиозный климат на большей части обитаемого мира.

Суммируя изложенное выше, можно прийти к ряду заключений. Прежде всего, представлять Джужджани как бескомпромиссного противника монголов не вполне корректно: его отношение к монгольским ханам во многом диктовалось их отношением к исламу. Оценки Джужджани представителей «золотого рода» наглядно проявляются через употребление им по поводу их смерти слов «умер» (Угэдэй, Бату) или «сошел в ад» (Чингисхан, Чагатай, Гуюк). Неоднозначно изображены в «Насиловых разрядах» и монголы в целом.

Наряду с пониманием их как безжалостных головорезов и предвестников конца света, автор иногда дает им и позитивные характеристики.

В нашествии монголов на страны ислама Джужджани винит в первую очередь хорезмшаха Мухаммада. О целях и мотивах монгольских завоеваний после Чингисхана он не сообщает практически ничего, но сравнительно точно указывает направления завоевательных кампаний. Момент перехода монгольской внешней политики от карательных экспедиций к планомерному установлению мирового господства у него четко не обозначен.

Наконец, автор не говорит о планах Чингисхана по покорению всей земли и о его завещании потомкам завершить это завоевание, а слова Джужджани о его видах на мусульманские государства, скорее всего, являются не более чем легендой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аджаиб ад-дунйа (*Чудеса мира*). Критич. текст, пер., введ., комм. и указат. Л.П. Смирновой. М.: Наука, 1993 [*Ajaib al-dunya (Wonders of the World)*. L.P. Smirnova (tr., comm.) Moscow: Nauka, 1993 (in Russian)].

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. *Сочинения*. Т. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 43–597 [Bartold V.V. Turkestan in the Era of the Mongol Invasion. *Works*. Vol. I. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1963. Pp. 43–597 (in Russian)].

Козин С.А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 [Kozin S.A. *The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941 (in Russian)].

Материалы по истории туркмен и Туркмени. Т. I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939 [*Materials on the History of Turkmens and Turkmenistan. Vol. I: 7th – 15th centuries. Arabic and Persian sources*. S.L. Volin, A.A. Romaskevich, A.Y. Yakubovsky (eds.) Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1939 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 2. Пер. О.И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 [Rashid al-Din. *Collection of Chronicles*. Vol. I. Book 2. O.I. Smirnova (tr.) Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952 (in Russian)].

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 [*Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Vol. II: Extracts from Persian Works Collected by V.G. Tiesenhausen*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941 (in Russian)].

Amitai R. Did Chinggis Khan Have a Jewish Teacher? An Examination of an Early Fourteenth-Century Arabic Text. *Journal of the American Oriental Society*. 2004. Vol. 124. No. 4. Pp. 691–705.

Amitai R. The Mongols as Seen by the Arabic Sources. *Chinggis Khaan and Globalization: Proceedings of International Academic Conference devoted to the 850th Birthday Anniversary of Chinggis Khaan under the Patronage of Ts. Elbegdorj, the President of Mongolia. 14-15 November 2012, Ulaanbaatar, Mongolia*. Ts. Tserendorj, N. Khishigt (eds.) Ulaanbaatar, 2014. Pp. 125–131.

Berger S. Chinggis Khan Defeated: Plano Carpini, Juzjani and the Symbolic Origins of the Mongol Empire. *Journal of Royal Asiatic Society*. 2021. Vol. 31. Issue 1. Pp. 71–102.

Boyle J.A. The Mongol Commanders in Afghanistan and India according to the Ṭabaqāt-i Nāṣirī of Jūzjānī. *Islamic Studies*. 1963. Vol. 2. No. 2. Pp. 235–247.

The History of India, as told by its own Historians. The Muhammadan Period. Vol II. H.M. Elliot, J. Dowson (tr.) London: Trübner and Co., 1869.

Jawan Shir Rasikh. The Many Lives of a Medieval Muslim Scholar: An Introduction to the Life and Times of Minhaj Siraj al-Din Juzjani, 1193–1260 CE. *Afghanistan*. 2020. Vol. 3. Issue 2. Pp. 111–134.

Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. J.A. Boyle (tr.) Manchester: Manchester University Press, 1997.

Menhāj-al-Dīn Jowzjāni. *Ṭabaqāt-e nāšeri*. ‘Abd-al-Ḥayy Ḥabibi (ed.) Vol. I–II. Kabul: Anjuman-i Tarikh-i Afghanistan, 1963.

Minhāj-i Sirāj Abū ‘Amr Minhāj al-Dīn ‘Usmān. *Ṭabaqāt-i Nāširī*. Vol. I–II. G.R. Mihr (tr.) Lahore: Markazī Urdū Bord, 1975.

Ratchnevsky P. *Genghis Khan: His Life and Legacy*. T.N. Haining (tr.) Oxford: Blackwell, 1992.

Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia including Hindustan from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ud-din Abu-Umar-i-Uzman. H.G. Raverty (tr.) Vol. I–II. London: Gilbert & Rivington, 1881.

The Tabakat-i Nasiri of Aboo Omar Minnaj al-din Othman ibn Siraj al-din al-Jauzjani. W. Nassau-Lees, Maulawis Khadim Hosain, Abd al-Hai (eds.) Calcutta: College Press, 1864.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДРОБЫШЕВ Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.